

Ю. А. Русина

ПРЕССА 1987–1991 гг. О ДИССИДЕНТАХ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ИСТОЧНИКОМ

Вспоминайте меня, я вам всем
по строке подарю.
Не тревожьте себя, я долги
заплачу к январю.
Я не буду хитрить и скулить,
о пощаде моля,
Это зрелость пришла, и пора
оплатить векселя.
Ю. Даниэль

Стихи Юлиа Даниэля, приведенные в эпиграфе, были опубликованы в 1988 г., а в конце декабря его не стало. Наверное, поэт чувствовал приближающееся расставание: стихотворение с обещанием подарить «по горькой, тоскою пропахшей строке» заканчивается словами: «чтоб любили меня, когда буду от вас вдалеке».

1989-й год многими сегодня, например Г.З. Иоффе, оценивается как некий рубеж, «пик переосмысления истории»¹. Если говорить о серьезных переоценках недавнего прошлого и идеологических сдвигах, то они очень ярко проявились в первую очередь в публицистике. И действительно, некоторая инерция еще имела место в периодической печати 1986–1988 гг., но положение резко изменилось именно с 1989 г. Многие помнят сенсационные публикации «Огонька», «Московских новостей» и довольно резкую смену знака: «плюс» менялся на «минус», и наоборот. Можно поискать причины данного явления в социальной и политической сферах, однако эта статья имеет целью лишь проанализировать изменение тональности центральной прессы в отношении участников диссидентского движения в «перестроечные» годы на примере нескольких изданий. Не преследуется задача полного и всеобъемлющего изучения периодики указанного периода с учетом ее политической направленности и

противостояния внутри журналистской среды или по отношению к власти.

Пресса сегодня воспринимается исследователями как серьезный источник, способный не только иллюстрировать известные факты, но давать новые знания об изучаемых явлениях и процессах. Особенно перспективным видится развитие методики изучения прессы. Что касается анализа недавнего прошлого, то здесь периодическая печать и публицистика могут занять одно из первых мест по своей источниковой значимости, т. к. именно благодаря оперативности периодики на поверхность общественной жизни выбрасывается новейшая социальная информация. С одной стороны, она призвана влиять на массовое сознание и формирование новых оценок, а с другой, отражает реальные изменения в обществе политического, социального и ментального характера.

Наряду с материалами самиздата и партийными документами периодическая печать является важным источником по истории диссидентского движения в СССР. Мониторинг советской прессы проводился в 1970-е – начале 1980-х гг. на радио «Свобода» – «Свободная Европа». Эти материалы раскрывают методы обработки массового сознания и формирования образа врага. Каталог архива «Открытое общество», хранящего фонды RL и RFE, в настоящее время также содержит данные о 168 изданиях советской, так называемой неформальной прессы второй половины 1980-х гг. и о более чем 330 названиях газет и журналов начала 1990-х гг., когда признаки формальности и неформальности периодики уже нивелируются¹. Количество и разноплановость периодических изданий приводит к мысли, что они могут стать самостоятельным объектом исследований для изучения проблемы инакомыслия в СССР.

Стремление расширить источниковое поле исследований диссидентского движения заставило обратиться к «шестой великой державе» времен перестройки. Анализ публикаций журналов («Огонек», «Новое время», «Век XX и мир» и др.) и газет («Комсомольская правда», «Труд», «Советская Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», «Собеседник», «Московские новости» и др.) высветил 1989-й год, как своеобразную границу. По одну ее сторону – резкие отповеди, критика, клеймо отщепенца и предателя, а по другую – доверительные беседы с правозащитниками, обращение к их мнению и советам, преклонение перед их мужеством и сочувствие непростым судьбам.

Думается, что серьезную роль в этих переменах сыграла XIX Всесоюзная партконференция, состоявшаяся летом 1988 г. и принявшая в числе прочих резолюцию «О гласности», а также давшая жизнь понятию «правовое государство». Вскоре изменилась избирательная система, и прошедшие в марте 1989 г. альтернативные выборы были, по сути, направлены против старой бюрократии и партаппаратчиков. Появилось

большое количество различных неформальных общественных движений и групп. Возвращаясь к газетному фонду архива «Открытое общество», можно увидеть, что именно издания, появившиеся в 1987–1988 гг., отражают своеобразный переход от нелегальной периодики, выходившей в самиздате, к открытой прессе, не зависимой от власти и цензуры. Эти газеты и журналы можно рассматривать как самостоятельный комплекс для изучения последних лет существования диссидентского движения в его «классической» форме.

Однако, совсем незадолго до «судьбоносных» событий июня — июля 1988 г., в декабре 1986 г. в чистопольской тюрьме умер Анатолий Марченко. Документы самиздата свидетельствуют, что в 1986–1987 гг. еще идут политические процессы, власти преследуют верующих, препятствуют выезду из СССР³. В 1987 г. лишена советского гражданства поэт Ирина Ратушинская. В 1988 г. прокуратура СССР отказала в посмертной реабилитации Петра Григоренко. А уже после партконференции, в октябре, в самиздате было опубликовано «Открытое заявление о количестве политзаключенных в СССР», подписанное Л. Богораз, С. Ковалевым, А. Сахаровым, Л. Тимофеевым. В нем говорилось, что известно более 100 имен, осужденных по 70-й статье, но в то же время нет достоверных данных о помещенных в психиатрические больницы и осужденных по другим статьям (ст. 190-1, 190-3 и др.)⁴.

Так, во второй половине 1980-х гг. прошлого столетия время плотно спрессовало старую, пожухлую траву с новыми, свежими ростками. И опять вспоминаются стихи Ю. Даниэля:

Все поняли, все сосчитали мы —
Бесстрашие дней и страх ночей,
Но что нам делать с сочетаньями
Несочетаемых вещей?

Есть солнце с огненными патлами,
С размахом пьяным — там, вонне,
И есть — безрадостными пайками
Прямоугольными — в окне.

Есть мир — с округлыми коленями,
И с шепотом, и с дрожью губ,
И тут же рядом, в том же времени —
Следы овчарок на снегу...

Интересно вспомнить учебное определение периодической печати: «Периодическая печать как вид исторического источника фиксирует информацию, предназначенную для осведомления современников о *наибо-*

лее важных событиях и явлениях действительности (выделено нами. — Ю. Р.) с целью выявления, выражения и отстаивания определенных общественно-групповых интересов».

Итак, наиболее важные события 1987 — первой половины 1988 г.

Обращают на себя внимание заголовки в «Литературной газете», «Советской России», «Советской культуре»: «Пешки в чужой игре», «Доноры и мошенники», «Вывозите сведения — оплачено», «Поборники свободы» требуют репрессий», «Отщепенцы начинают и проигрывают»⁵. При этом интересно отметить, что статьи носят либо анонимный характер, либо подписаны такими именами, как *Иванов, Орлов, Юрьев*. Их авторы клеймят и развенчивают «...Любимовых, Аксеновых, Максимовых, Владимовых и иже с ними... которые не хотят ни нашей перестройки, ни нашей жизни, ни нас самих...»⁶, а также деятельность Александра Гинзбурга в Фонде помощи политзаключенным и журнал «Гласность» под редакцией Сергея Григорьянца. Лексика публикаций не оставляет сомнений в отношении авторов к людям «с кличкой “диссидент”, “правозащитник”, “инакомыслящий”». Все, кто в них упоминается, — это «враги социализма», «мошенники», «злобные и непримиримые отщепенцы», «уголовные преступники» и «антисоветчики». Газета «Советская Россия» применяет давно испробованный ход, что называется — «по просьбам трудящихся», публикует письмо рабочих бригады слесарей завода «Электромаш», осуждающих деятельность распорядителя Фонда помощи политзаключенным А. Гинзбурга.

Эмоциональный настрой публикаций призван вызвать у читателей чувство глубокого возмущения, и главное — неприязни к диссидентам. Для этого журналисты выбирают две струны в душах советских людей, которые наиболее чутко отзовутся на их призыв: 1) гордость за достижения социалистического строя и постоянная бдительность к «проискам империализма», 2) осуждение материального достатка и обеспеченной жизни.

«Литературная газета» образца 1987 г. рассказывает о «падении» писателя Г. Владимова, которого она называет «бывшим советским писателем», связавшимся с антисоветчиками из Народно-трудового союза, передававшего на Запад клеветнические, порочащие нашу страну материалы и получавшего за это гонорары деньгами и посылками. «Менее чем за 30 сребреников более чем 10 лет сотрудничал Г. Владимов с теми, кто открыто способствовал гитлеровцам во времена войны», по словам В. Орлова из «Советской культуры». Вызывает возмущение того же Орлова и другой русский писатель — В. Аксенов, «заработавший свой капитал в глазах западных спецслужб благодаря скандальному сборнику “Метрополь”». Досталось от Орлова и В. Максиму «плотующему на-

право и налево в “Континенте”» и А. Синявскому, «ощущающему себя мэтром литературной критики».

«Советская Россия» пером К. Юрьева обличает Фонд помощи политзаключенным как «фирму по торгово-шпионскому бизнесу» за финансирование антисоветских настроений в среде уголовников. Товаром в этой фирме газета называет сведения, «интересующие западные разведки» и «антисоветские, клеветнические материалы для западных радиоголосов». При этом, видимо, для создания впечатления большей достоверности Юрьев ссылается на некие новые факты, свидетельствующие, что «Фонд — это кормушка, доверху наполненная дармовым жирным варевом... а Гинзбург, не работая, живет припеваючи и даже построил собственный дом...». Что больнее может ударить по сознанию советского человека, часами стоящего в очередях и десятилетиями ждущего от государства «улучшения жилищных условий»? (Правда, слова «дармовое вариво» из лагерного жаргона не очень совместимы с прилагательным «жирное».)

Мы еще вернемся к этим известным именам, но уже перейдя границу 1988-го.

Если попытаться проинтерпретировать рассмотренные газетные публикации как исторический источник, то из них сложно извлечь что-либо достоверное о диссидентстве как общественном явлении второй половины XX в., мы лишь узнаем, какое мнение о нем власть стремилась сформировать у своих граждан. К сожалению методы, которые демонстрирует периодика середины 1980-х гг. в достижении этой цели, очень напоминают более ранний период, борьбу с «врагами народа» и «вредителями».

Так, журнал «Гласность» Сергея Григорьянца, например, «Литературная газета», вышедшая в марте 1988 г., окрестила «псевдо-“Гласностью”», которая финансируется из Нью-Йорка и имеет в составе директоров «ястребов “холодной войны”», ставленников спецслужб и крупнейших специалистов по подрывной дезинформации».

Но существуют и другие примеры. Большая статья («Доноры и мوشенники»), правда, без указания автора, была опубликована в «Советской России», где приводятся факты и конкретные цифры финансирования «Гласности» американской организацией в поддержку демократии NED (National Endowment for Democracy). При этом говорится о широкой информационной сети передачи секретных сведений о Советском Союзе на Запад. Эта анонимная работа наиболее убедительна и, видимо, рассчитана на думающую и образованную аудиторию. В ней имеет место аргументированное оперирование фактами, приводятся имена видных государственных деятелей США и советских диссидентов. Читая материал, возникает мысль, что, возможно, безымянный автор и прав и за программами NED, направленными на оживление демократических тенденций в

Восточной Европе и СССР, стоят другие, так хорошо известные советскому человеку «подрывные» цели.

Информационный бюллетень «Гласность» выходил в 1987–1989 гг. По способу издания и подбору материала он продолжал традиции старого самиздата. Бюллетень имел редакционную коллегию в лице одного редактора — С. Григорьянца, печатался на пишущей машинке, не был нигде зарегистрирован. Главным отличием от предшественников явился отказ от анонимности редактора и авторов статей, наличие цены и «копирайта». Как и других его собратьев в самиздате, журнал не миновали репрессии: в мае 1988 г. редакция была разгромлена, архив изъят. Содержание бюллетеня также отражало традиционные диссидентские проблемы — крымско-татарское движение, еврейскую эмиграцию, освобождение политзаключенных. Но появились и новые темы, например вопросы межнациональных отношений в Прибалтике, Армении, Азербайджане, Карабахские события⁷. Именно последние публикации в марте 1988 г. и повлекли за собой насильственные меры и разоблачительные статьи в официальной прессе.

Кроме «Гласности», традиции журналов в самиздате продолжали и другие издания, родившиеся в конце 1980-х гг.: «Экспресс-Хроника» под редакцией Александра Подрабиника, «День за днем» — информационный бюллетень группы «За установление доверия между Востоком и Западом», «Референдум. Журнал независимых мнений» Льва Тимофеева, «Бюллетень христианской общности» Александра Огородникова и др⁸.

Сегодня в публицистике и научных изданиях встречаются различные оценки диссидентов и правозащитного движения⁹. Думается, прав А. Кива, отдавая дань действительно незаурядным и честным людям из диссидентской среды, но отмечая также, что были в этой среде и такие, кто удовлетворял лишь свои собственные амбиции и лил воду на западную мельницу в условиях конфронтации двух систем. Болезненным остается вопрос, почему наши борцы с репрессивным режимом не нашли своего места в новом обществе, как это произошло в ряде стран бывшего соцлагеря. Ответ на этот и другие вопросы можно поискать и на страницах газет и журналов «поздних» 1980-х гг.

На рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. на смену псевдоаналитическим статьям об «отщепенцах» приходят описания встреч и интервью с диссидентами, публикации их воспоминаний. Читателям предоставляется возможность познакомиться с документами и перепиской правозащитников. Публицистика отодвигает оценочный уровень на второй, а может быть, и на третий план, максимально выполняя свою информационную задачу — рассказать как можно больше о самих людях, дать им высказаться, поделиться своими взглядами, вспомнить о пережитом. Наиболее яркими и запомнившимися периодическими изданиями тех лет были «Московские

новости» Е. Яковлева и «Огонек» В. Коротича. Особенно часто на страницах прессы можно было увидеть самые знаменитые диссидентские имена: В. Буковский, П. Григоренко, Ю. Даниэль, А. Гинзбург Л. Богораз и др.

Уже в конце лета и в сентябре 1988 г. в «Московских новостях» и «Литературной газете» появились удивительно теплые, даже лиричные по своему настрою статьи о Викторе Некрасове — писателе-фронтовике, умершем в Париже¹⁰. Надо сказать, что заголовки журналисты теперь формулируют иначе: «Диагноз или приговор?», «По статье 70-й», «Без баррикад», «Те, кто не жаловался», «Я чист перед собственной совестью», «Эмиграция – опыт страшный, но поучительный», «Портрет диссидента», «Слово против страха»¹¹ и т. п. Не говоря уже о том, что все статьи имеют авторство, указаны имена интервьюеров, которые создают более реальное впечатление, чем предыдущие *Ивановы*.

Прежде всего хотелось бы отметить запечатленные на страницах «Московских новостей» и «Иностранной литературы» встречи с писателями, политический процесс над которыми в 1965 г. и реакция на него дали толчок правозащитному движению в СССР¹². Юлий Даниэль и Андрей Синявский совершенно не производят впечатления борцов. Спокойно, без сожаления они говорят о прошлом, отвечая на вопросы журналистов, которые могут быть наиболее интересны читателям: почему отправили рукописи за границу, как проходил суд, как пережили лагерь, почему не уехал Ю. Даниэль и почему не вернулся А. Синявский? Что-то в их ответах совпадает, наверное, не случайно. Оба не преследовали никаких политических целей, передавая рукописи на Запад, просто напечатать в СССР их произведения было невозможно, а они хотели, чтобы литература, не вписавшаяся в рамки соцреализма, тоже имела право на существование. «У меня с советской властью чисто стилистические разногласия», — подчеркивает А. Синявский. О годах заключения литераторы говорят то, что уже приходилось слышать от Д.С. Лихачева, Л.Н. Гумилева и других, переживших еще сталинские лагеря, но что противоречит мнению В. Шаламова. Ю. Даниэль вспоминает вечера поэзии и лекции, отмечает, что не сломаться ему помогло общение с людьми верующими. А. Синявский, написавший в лагере три книги, называет заключение самым интересным и счастливым (с последним трудно согласиться, думается, что здесь писатель, все-таки, лукавит) временем жизни, т. к. встретил в лагере «свою натуру», нашел свой стиль. Ю. Даниэль не уехал после освобождения, потому что хотел жить на Родине, не представлял, что он, поэт-переводчик, сможет делать в эмиграции. И, оставшись, он более 15 лет имел возможность печататься в родной стране только под псевдонимом. Для А. Синявского «совершенно неважно, где прописано тело писателя... душой и сердцем он живет в русской культуре», а главное желание, чтобы вернулись его книги. О сложностях взаимоотношений

внутри русской эмиграции говорит тот факт, что М. Розановой (жене А. Синявского) пришлось создать журнал «Синтаксис», т. к. эмигрантские издания не печатали работы ее мужа.

О первом послесталинском открытом политическом процессе упоминает на страницах «Огонька» Е. Евтушенко¹³. Он подтверждает слухи, ходившие в самиздате и упорно опровергаемые радиостанцией «Свобода», что псевдонимы Синявского и Даниэля (Терц и Коржак) были раскрыты американской разведкой и переданы советским службам госбезопасности, с целью переключения внимания мировой общественности с бомбардировок во Вьетнаме на преследование интеллигенции в СССР. Разобраться в этом запутанном деле смогут позволить только архивы КГБ.

Другой русский писатель, с которым встречаются журналисты «Московских новостей» в 1989 г., автор знаменитого «Верного Руслана» — Георгий Владимов. Его опальная повесть была издана в СССР через 25 лет после своего появления в самиздате (1964). Беседа в основном касается вопросов литературы. Но Г. Владимов не только известный литератор, работавший в 1960-е гг. в «Новом мире», чье мнение о новинках российской художественной прозы авторитетно и вызывает желание прочесть отмеченные им произведения. В 1966 г. Владимов подписал письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, в 1967 г. выступил в защиту А. Солженицына, в 1977 г. вышел из Союза писателей, стал председателем московской группы организации «Международная амнистия», в 1978 г. выразил протест против лишения гражданства П. Григоренко, неоднократно отвечал «нет» на вопрос о готовности уехать за границу, т. к. это означало для него «потерю связи с Россией». Он был лишен советского гражданства в 1983 г., в эмиграции жил в Западной Германии, работал в журнале «Грани», читал лекции о современной русской прозе, писал книги. В интервью радиостанции «Свобода» в 1985 г. он сказал: «Считаю себя во временном изгнании и остаюсь русским писателем, писателем для России... в этом вижу свой человеческий и писательский долг...»¹⁴. Г. Владимов вернулся в Россию в начале 1990-х гг.

Встречей с Валерием Чалидзе, одним из организаторов Комитета прав человека, «Московские новости» продолжили знакомить читателей с «людьми, выброшенными из советского общества годами застоя»¹⁵. Обсуждаются в основном вопросы демократии и социализма, правового сознания, плюрализма и свободы информации в обществе. Выбор такой тематики для беседы не случаен. На рубеже 1960 – 1970-х гг. В. Чалидзе издавал в самиздате журнал «Общественные проблемы», посвященный вопросам законности и прав человека. Физик по образованию, в США В. Чалидзе становится издателем и, как он сам отмечает, социальным критиком. Лишенный в 1972 г. советского гражданства, правозащитник организовал в 1970-е гг. в Нью-Йорке издательства «Хроника-пресс», в

котором выходил советский самиздат, а затем «Chalidze publications», выпускавшее на русском языке мемуары, книги по философии, истории и политике. В его интервью обращает на себя внимание оценка Советов как готовой структуры для реальной демократии, которую надо лишь наполнить демократическим содержанием. В унисон с приведенными выше размышлениями о роли бывших диссидентов в современной политической и общественной жизни звучат слова В. Чалидзе: «Диссидентов в прошлом воспринимали или как героев, или как страдальцев. Пришла пора понять, что среди них есть также и мыслящие люди, которые и теперь могут дать обществу много ценного, хотя не следует забывать ни о героизме, ни о страданиях многих».

Своими знаниями в области права и мыслями о перспективах преобразований в Советском Союзе В. Чалидзе смог поделиться с читателями «Московских новостей» и «Нового времени» в авторских статьях о государственном переустройстве в СССР, проблемах перехода к рыночной экономике, политической борьбе на Съезде народных депутатов и роли интеллигенции на пути демократизации общества¹⁶.

Информационно и эмоционально насыщенным получилось интервью с членом Хельсинской группы и распорядителем Фонда помощи политзаключенным, Александром Гинзбургом, у журналистки «Литературной газеты» А. Латыниной¹⁷. Из-за газетных колонок встает незаурядная личность диссидента, который «за внутреннюю свободу готов платить, сколько попросят», а диссидентство определяет как журналистику, «работу в свободной печати». Лишенный советского гражданства и высланный из СССР в 1979 г. в обмен на советских разведчиков, А. Гинзбург в 1990 г., являясь жителем Парижа, говорит «у нас», имея в виду Советский Союз. Статья о нем изобилует фактами о его «преступлениях и наказаниях», о деятельности Фонда помощи политзаключенным, существующем на гонорары А. Солженицына, делится ныне корреспондент газеты «Русская мысль» своим мнением о расхождениях во взглядах А. Сахарова и А. Солженицына и о многом другом. И веришь этому журналисту-диссиденту, когда читаешь: «Я вообще человек счастливый...».

Интервью различным изданиям давали также Владимир Буковский и Ирина Ратушинская, воспоминаниями делились Вера Зелендина (о работе в Фонде помощи политзаключенным) и Лариса Богораз (о демонстрации протеста в августе 1968 г. в Москве на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию)¹⁸. Ничего нового, общаясь с журналистами, не прибавил к тому, что уже описано в его книгах, В. Буковский, отказавшийся от советского гражданства в 1992 г. К сожалению, в его интервью звучали лишь нравоучения, обиды на власть прошлую, неверие власти нынешней, нежелание возвращаться в «эту» страну, правда также

еще и гордость за свою биографию и осуждение сверстников, которые вместо борьбы выбрали диссертации и семейную жизнь.

Харизматической личностью правозащитного движения был Петр Григорьевич Григоренко, генерал, прошедший войну, преподаватель Военной академии им. М. Фрунзе, выступавший за «возрождение ленинизма» и поборником прав крымско-татарского народа, более 6 лет подвергавшийся принудительному лечению в психиатрических больницах, лишенный советского гражданства в 1978 г. и скончавшийся в Нью-Йорке в 1987 в возрасте восьмидесяти лет. Этот потрясюще мужественный человек был восстановлен в правах и реабилитирован посмертно лишь в 1993 г. Такая судьба не могла быть обойдена вниманием журналистов на подъеме эпохи гласности. В публикациях о П. Г. Григоренко использованы документы а также воспоминания — его собственные и людей, причастных к судьбе генерала: С. Калистратовой, С. Глузмана и др.¹⁹ Основное внимание уделяется вопросам психиатрической экспертизы и ее использования в политических целях. Эта тема не нова для правозащитного движения. Ей был отведен специальный раздел в «Хронике текущих событий» — главном журнале правозащитников. В 1970-е гг. работала специальная комиссия по расследованию использования психиатрии в борьбе с диссидентским движением. Подробно описал в своих воспоминаниях психиатрические лечебницы и «методы лечения» В. Буковский²⁰. Однако на «неподготовленного» советского читателя конца 1980-х гг. факты, запечатленные на страницах авторитетных периодических изданий, которые сопровождалось документами, могли оказать очень сильное впечатление и, возможно, способствовать переоценке ценностей. Они подтверждали, что прежний режим, охраняя свою незыблемость, не гнушался и грязным использованием в своих целях людей самой гуманной профессии.

В связи с именем П. Григоренко хотелось бы упомянуть имя Семена Глузмана. Судьбы этих людей оказались трагически переплетены, хотя они не были знакомы. С. Глузман, врач-психиатр, был осужден по 70-й статье на семь лет лагерей строгого режима и три года ссылки за проведенную им заочную судебно-психиатрическую экспертизу здоровья П. Григоренко. Из Пермских лагерей он писал родителям в 1974 г.: «...Я здесь в лагере живу поистине духовной жизнью. Я счастлив, несмотря на все, что мне приходится переносить...». Повторюсь, что счастливая жизнь с трудом ассоциируется с советской пенитенциарной системой, тем более что своими глазами приходилось видеть бараки лагеря «Пермь-36». Однако чтобы выжить в тяжелейших физических условиях, человеку, видимо, приходилось находить в себе колоссальные эмоциональные силы и приобретать ценнейший духовный опыт. Так или иначе, а все эти слова о счастье наталкивают на мысль о необходимости изуче-

ния социально-психологического облика политзаключенных второй половины XX в.

Еще два героических имени, о чем нас призывал не забывать В. Чалидзе, встречаются на страницах «перестроечной» прессы, — Юрий Галансков и Анатолий Марченко²¹. Судьбы их трагичны, оба погибли в заключении. Жизнь А. Марченко — это яростное противостояние системе, шесть сроков, три документальные книги, в том числе «Мои показания» — книга, впервые поведавшая миру о постсталинских лагерях. Его деятельность составляет отдельную яркую страницу в правозащитном движении, его книги являются незаменимым источником для осмысления этого социального феномена советского периода. Поэт Ю. Галансков прожил очень короткую жизнь. Исповедовал идеи пацифизма, в начале 1960-х был активным участником собраний молодежи на площади им. В. Маяковского в Москве, в 1965 г. выступил в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля с требованием соблюдения конституции и советских законов, выпускал как редактор сборник «Феникс» пацифистского содержания, был осужден в 1967 г. на семь лет лагерей, скончался в Мордовии в 1972 г. в возрасте тридцати трех лет²².

Резюмируя кратко рассмотренные интервью и отрывки из воспоминаний диссидентов, опубликованные на газетных и журнальных полосах рубежа 1980 – 1990 гг., можно подчеркнуть следующее. Их информационный потенциал, несомненно, ценен для изучения личностей правозащитников, динамики их взглядов, самооценки, для воссоздания их психологического облика и выяснения побудительных мотивов инакомыслия, а также для исследования сквозь призму диссидентских мнений и приоритетов идеологии движения в целом. Материалы периодики данного жанра вполне способны дополнить сведения мемуаров и других произведений инакомыслящих, а в некоторых случаях и выступить самостоятельным источниковым комплексом.

Кроме того, хотелось бы отметить публикации, которые вносят существенный вклад в научную разработку ряда понятий и терминов, а также теоретических проблем диссидентского движения, без чего невозможно научно обоснованное историческое и источниковедческое построение и осмысление проблемы. Интересно, что в решении этих вопросов правозащитники идут впереди профессиональных историков, а последние нередко заимствуют их выводы, обогащая ими свои академические исследования.

Так, в публицистике конца 1980-х гг. и более позднего периода выделяются работы двух участников правозащитного движения — Л.И. Богораз и С.А. Ковалева²³. В их интервью и авторских статьях анализируется суть диссидентского движения, которое С.А. Ковалев называет демократическим, констатируется, что ядром движения было обраще-

ние к праву, и определялось оно прежде всего нравственным импульсом, а не политическими мотивами. Л.И. Богораз подтверждает мысль, ранее неоднократно звучавшую из уст многих правозащитников: «инакомыслящие не имели цели выработать новую идеологию или политическую доктрину, переменить правительство или государственный строй». Она подчеркивает личностное начало правозащитного движения и высказывается против его героизации. Кроме того, Л.И. Богораз рассматривает содержание понятий «диссидент», «инакомыслящий», «правозащитник», «политзаключенный», «самиздат», анализирует формы правозащитной активности и социальный состав движения, его периодизацию, цели и т. д.

В настоящее время популярна и в той же мере представляется перспективной, концепция трактовки прессы с позиций теории управления²⁴. Таким образом, в рамках этой концепции, если периодика середины 1980-х гг. выполняла задачу поддержания общественной системы в состоянии стабильности и как один из способов для достижения своей цели применяла жесткую критику тех, кто боролся с ее гнилостными проявлениями и подпаливал проржавевший остов (и здесь можно поддерживать или осуждать апелляцию правозащитников к общественности развитых в правовом отношении западных стран и международным организациям), то у прессы рубежа двух последних десятилетий прошлого столетия, как звена управляющей системы, было совершенно иное назначение. Она была призвана внести свою лепту в разрушение старого режима, доказать его тоталитарный и преступный характер, не считающийся с правами человека, поэтому как один из неопровержимых, ярких и эмоционально мощных аргументов, наряду со страшной правдой о периоде сталинских политических репрессий, периодическая печать обращается к деятельности и судьбам правозащитников. Все мы знаем, конечно, что существовали и консервативные издания, но не они дули ветром в паруса перестройки.

Позже, во второй половине 1990-х гг., тональность прессы опять меняется. Оставив позади как резкое отрицание, так и восторженное преклонение, посмотрев на диссидентское движение сквозь призму реформ и открытые архивные фонды, публицистика, сохранив плюрализм, будет стремиться к объективности. Хотя ее родовые качества — информировать и влиять — всегда будут зависеть от политических течений.

Среди источников по истории диссидентского движения второй половины XX в. обычно выделяют как две основные и противостоящие друг другу группы самиздат и документы центральных и местных партийных органов. Кроме того, источниковую базу расширяют произведения правозащитников (от мемуаров до научных работ) и архивно-следственные дела, пополнившие государственные архивы из спецхранов силовых ведомств. Периодическая печать также может привлекаться в качестве источника для изучения названной темы. С одной стороны,

пресса всегда выполняет политический или идеологический заказ, чутко реагируя на изменения атмосферы в обществе, с другой, играет роль информатора. Изучая публикации журналов и газет, можно узнать во-первых, какое мнение о правозащитном движении хотели бы сформировать в обществе определенные политические силы, какие методы они при этом использовали; во-вторых, из уст самих правозащитников есть возможность почерпнуть бесценные сведения, которые помогут разобраться в их взглядах, психологии, побудительных мотивах их действий. В то же время нельзя забывать о характерной для периодической печати двуединой задаче: отражая чьи-то взгляды, влиять на общество. Вероятно, вторая особенность прессы наиболее заметно выражена и сильна, что и позволяет называть ее «четвертой властью».

¹ См.: *Иоффе Г.З.* Финал советской историографии: (Как мы не написали последнюю «Историю КПСС») // Отечественная история. 2002. № 4.

² См.: Soviet samizdat archive, Fond 300, sub-fond 85, Open Society Archives, Budapest, Hungary.

³ См.: Материалы самиздата 1986–1987 гг., Soviet samizdat archive, Fond 300, sub-fond 85, series 9, Open Society Archives, Budapest, Hungary.

⁴ AC № 6296, Soviet samizdat archive, Fond 300, sub-fond 85, series 9, Open Society Archives, Budapest, Hungary.

⁵ См. об этом: Лит. газета. 1988. 23 марта.; Сов. Россия. 1987. 15 марта.; Сов. культура. 1987. 11 апр.; Лит. газета. 1987. 14 янв., 30 сент.

⁶ *Орлов В.* «Поборники свободы» требуют репрессий // Сов. культура. 1987. 11 апр.

⁷ AC № 6055, 66227, Soviet samizdat archive, Fond 300, sub-fond 85, series 9; Biographical files, Fond 300, sub-fond 85, series 13, Open Society Archives, Budapest, Hungary.

⁸ AC № 5979, 6064, 6108, 6126, Soviet samizdat archive, Fond 300, sub-fond 85, series 9, Open Society Archives, Budapest, Hungary.

⁹ См., например: *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950 – 1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4; Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. № 9; *Кива А.* Диссидентство или юродство // Рубежи. 1998. № 1 и др.

¹⁰ См.: *Привалов К.* «Это вам говорю из Парижа я...» // Лит. газета. 1988. 31 авг.; *Кондратьев В.* Не хватило чуткости // Моск. новости. 1988. 11 сент.

¹¹ См.: Огонек. 1989. № 46.; Иностранная литература. 1989. № 2.; Век XX и мир. 1988. № 9.; Там же. 1989. № 11.; Московские новости. 1988. 11 сент.; Там же. 1989. 8 янв.; Литературная газета. 1990. 18 июля.; Собеседник. 1989. № 40.

¹² См.: «Я чист перед собственной совестью...»: Интервью с Ю. Даниэлем // Московские новости. 1988. 11 сент.; «Эмиграция — опыт страшный, но поучительный»: Интервью с А. Синявским // Там же. 1989. 8 янв.; *Евграфов Г., Карпов М.* По статье 70-й // Иностранная литература. 1989. № 2.

- ¹³ См.: *Евтушенко Е.* Контрамарка на процесс // *Огонек*. 1989. № 19.
- ¹⁴ Трагедия верного Руслана: (интервью с Г. Владимовым) // *Московские новости*. 1989. 22 янв.; Плата за молчание // *Собеседник*. 1989. № 17.; Г. Владимов // *Biographical files*, Fond 300, sub-fond 85, series 13, Open Society Archives, Budapest, Hungary.
- ¹⁵ См.: *Призвание: социальный критик: (Интервью с В. Чалидзе)* // *Московские новости*. 1989. 30 апр.
- ¹⁶ См. об этом: *Московские новости*. 1989. 3 сент., 5 нояб., 19 нояб.; *Новое время*. 1990. № 44, 52.
- ¹⁷ См.: *Латынина А.* Портрет диссидента: Александр Гинзбург // *Литературная газета*. 1990. 18 июля.
- ¹⁸ См.: *Буковский В.* Приговор еще в силе // *Труд*. 1991. 4 окт.; По ту сторону баррикад // *Родина*. 1991. № 2; Тот, кто не жаловался: (Беседа с Верой Зелендиной) // *Век XX и мир*. 1989. № 11; Жаркий август 68-го // *Родник*. 1989. № 11.
- ¹⁹ См.: *Диагноз или приговор? (Интервью с Семеном Глузманом)* // *Огонек*. 1989. № 46.; *Интервью с женой П. Григоренко, З. Григоренко* // *Комсомольская правда*. 1990. 20 июля.; *Евграфов Г.* «Разжаловать в рядовые!» или история о том, как один генерал стал диссидентом // *Театр*. 1990. № 12.; *Геворкян Н.* «Сумасшедший генерал» Штрихи к портрету Петра Григоренко // *Московские новости*. 1989. 10 дек.; *Она же*. Дурдом (К 70-летию Института им. Сербского) // *Московские новости*. 1991. 8 дек.
- ²⁰ См.: *Буковский В.* И возвращается ветер... М., 1990.
- ²¹ См.: *Мартынов И.* Слово против страха // *Собеседник*. 1989. № 40.; *Родина*. 1990. № 12.; *Абанькин В.* В прежней Мордовии // *Век XX и мир*. 1990. № 12.
- ²² Ю. Галансков // *Biographical files*, Fond 300, sub-fond 85, series 13, Open Society Archives, Budapest, Hungary.
- ²³ См., например: *Без баррикад: (Беседа с Л. Богораз и С. Ковалевым)* // *Век XX и мир*. 1988. № 9; *Лариса Богораз — правозащитник (политический портрет)* // *Общественные науки и современность*. 1991. № 3; *Богораз Л.* Мы только начинаем этот путь // *Московские новости*. 1991. 8 декабря; *Богораз Л., Даниэль А.* В поисках несуществующей науки: (Диссидентство как историческая проблема) // *Проблемы Восточной Европы*. 1993. № 37–38.
- ²⁴ *Дергачева Л.Д.* Источниковедческое исследование периодики и теория управления // *Вестн. МГУ. Сер. 8, Журналистика*. 1996. № 4.